

ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ

Анастасия СОЛОВЬЕВА

ЛЮБОВЬ
ПО ПРАВИЛАМ
И БЕЗ

Анастасия Соловьева

Любовь по правилам и без

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=587775

Соловьева А. Любовь по правилам и без: Центрполиграф; Москва; 2008

ISBN 978-5-9524-3897-2

Аннотация

Радости Аллы не было границ. Ее возлюбленный Степан Давликанов выразил желание грандиозно отпраздновать годовщину их свадьбы. Семейная жизнь складывалась чудесно. В ней нашлось место и для осиротевших племянниц Аллы: Женя заправляла ветеринарной клиникой матери, а взрослеющая Танюшка радовала приемных родителей своими талантами. Но любой праздник когда-то переходит в серые будни. Причиной для беспокойства стала Анастасия, дочь Стива от первого брака. Ее возвращение из Риги в компании эффектного архитектора Арвида не сулило семье Степана ничего хорошего.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	54
Глава 5	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Анастасия Соловьева

Любовь по правилам и без

Глава 1

Я стояла посреди спальни над раскрытым чемоданом и мучилась почти гамлетовской дилеммой: стирать или не стирать?

Всем известно, что даже самая дорогая в мире стиральная машина портит вещи. Ручная стирка портит руки. А обращение в химчистку – это вообще отдельная история. В итоге я уже пять минут разглядываю свое любимое синее платье и не могу определить его участь.

Только, пожалуйста, не называйте мое платье майкой!

...Да знаю, знаю: сходство есть, и притом поразительное! Широкие бретели, будничный круглый вырез, да и ткани-то на него пошло ровно столько же, сколько на майку идет. В крайнем случае немногим больше... Майка, одним словом, – я и сама вначале так думала. На первых порах меня прельстил исключительно цвет.

Синий вообще редко смотрится выигрышно. В большинстве случаев это чрезмерно строгий темно-синий или пошловатый бледно-голубой. Впрочем, существует еще одна разновидность синего – неопределенный сине-лиловый. Я на-

зываю его линялым.

И вот три недели назад, случайно оказавшись в торговом центре «Атриум», я заглянула в секцию MoDaMo и совершила настоящую колористическую находку – наткнулась на вещь потрясающе сочного, насыщенно-синего цвета.

– Вам стоит примерить, – затараторила неизвестно откуда взявшаяся продавщица – вероятно, колористический восторг был написан у меня на лице.

– Мне?! Это?! – фыркнула я, для пущей убедительности помахав майкой перед носом у продавщицы.

– Да-да. Именно вам!

Я надела платье и убедилась: *такое* синее к *моим* рыжим волосам это... Это без комментариев! И кроме всего прочего, кто бы мог подумать, что вещь, выглядевшая на вешалке как мужская майка, окажется в действительности модельным женским платьем, эффектно подчеркивающим достоинства и деликатно скрывающим недостатки моей фигуры. Во всяком случае, мой главный недостаток – зловеще расплывающиеся бедра – удачно *скрадывался* благодаря шелковистой упругости ткани. Но кроме бедер... кроме бедер, все выглядело как нельзя лучше! Тонкая талия, высокая грудь, гибкие руки и стройные колени...

Надо ли говорить, что платье я купила тотчас и проходила в нем не снимая еще целых три дня! Обновить свое приобретение я успела в Москве, а затем продемонстрировала его на бульваре Борне – главной улице испанского городка Пальма.

На курорте платье оказалось просто незаменимым – в нем можно и в пир, и в мир, и в добрые люди, то есть и на пляж, и днем по городу, и вечером по ресторанам. И вот в одном таком злосчастном ресторанчике меня угораздило посадить на блестящий синий шелк громадное томатно-оливковое пятно.

...Еще раз с глубокой тоской оглядев мрачную темно-бурую субстанцию, я вынесла самый суровый вердикт: химчистка. Руками я этого в жизни не ототру, а из-за одного пятна запихивать в машину целое платье – это же варварство! Вандализм!

Ну а химчистка разве не варварство?! Во-первых, я ни малейшего понятия не имею о том, где в нашем районе располагается сие богоугодное заведение. Во-вторых, приемщица – как пить дать – начнет задавать какие-нибудь хитроумные вопросы, вроде того, каким способом лучше чистить принесенную мною вещь. Словно я что-нибудь в этих способах понимаю!.. В-третьих, убедившись в моем абсолютном идиотизме, она – совершенно точно – изберет самый дорогостоящий и неэффективный способ обработки. И в итоге, выложив за услуги химчистки кругленькую сумму, я рискую все-таки остаться без платья. Точнее, с платьем, украшенным громадным жирным пятном!

Лучше уж от греха подальше воспользоваться машинной стиркой. Постирать платье в режиме с кипячением. А что с ним, собственно, может сделаться?! По идее дорогие, фир-

менные вещи никаких испытаний бояться не должны. Да, но цвет!.. Синий, манящий... цвет волн, неба и ветра. Цвет синей птицы. Цвет такого испытания не перенесет наверняка!..

– Алена, ну я же просил!.. Ты же мне обещала! – Я вздрогнула: муж так некстати зашел в комнату, в очередной раз застав меня за разглядыванием пятна. – Вот что: одевайся, поехали купим тебе новое платье. Любое, какое пожелаешь!

– Спасибо, Стив! Это очень мило с твоей стороны... Очень даже мило. Только все эти поездки – напрасный труд. Другого такого платья в природе не существует!..

– Так перестань по крайней мере рассматривать его со столь скорбным выражением. Не хочешь покупать другое – смирись!

В ответ я только тихонько вздохнула:

– Что делать? Не могу.

Стив подошел сзади, обнял меня.

– Послушай, мне, наконец, надоело, что моя жена день и ночь оплакивает какую-то глупую тряпку... И вообще, я пришел сообщить тебе, что приближается первая годовщина нашей с тобой совместной жизни... – Дальше он перешел на интимный шепот: – И я хочу, чтобы мы отпраздновали ее...

...Обычно он скуповат на ласки, во всяком случае на ласки дневные, но если это случалось все-таки... Я мгновенно растаяла, забыв про платье, кипячение и химчистку. Его руки скользнули вниз по плечам, по груди, задержались на талии и снова направились вверх, лаская тело и попутно пытаюсь

справиться с неподатливой застежкой моего халатика.

Смешной! Достаточно просто дернуть за веревочку – и ты увидишь меня всю – бронзовую от загара, крепкую, стройную!.. Ну что же ты упускаешь шанс полюбоваться моим телом после Испании!

Отдых на Мальорке, между прочим, чрезвычайно выгодное помещение капиталов. Умопомрачительной красоты пейзажи, древняя богатейшая культура, а кухня – ну просто оближешь пальчики!.. И тело! Ни один, даже самый дорогой салон не обеспечит вам таких результатов!.. И это всего-то за каких-то несколько тысяч евро. Правда, это чистая стоимость тура, я не учитываю так называемых карманных денег, истраченных нами в клубах, магазинах и рестораниках...

Я и не заметила, как мои мысли сменили направление: от лирико-эротического к прагматическому. А вот Стив заметил. Аккуратно отстранившись, он обошел кровать и опустился прямо на покрывало.

– Сколько раз я говорила тебе, что на покрывало нельзя садиться?!

– Алена, это мещанство, пойми же, наконец! Такое же мещанство, как в течение целого месяца оплакивать дрянную тряпку.

– Значит, дорогой мой, ты женился на мещанке!

– Да, это так. Но, ты знаешь, я не раскаиваюсь.

– Хитрец!

– Я даже горжусь.

– Вот как?

– И хочу, чтобы об этом узнал весь мир.

– Сильно! Ты, случайно, не переигрываешь?

– Хорошо. Пусть об этом узнают только наши друзья, родственники и знакомые в день первой годовщины нашей свадьбы. Но обязательно все!

– Ты собираешься устроить грандиозный праздник, я правильно поняла?

– Абсолютно правильно.

– Праздник или маскарад?

– Если хочешь, можно и маскарад.

– Я должна одеться рабыней Изаурой?

– Ну пожалуйста. Хотя, по-моему, немного экстравагантный выбор.

– Дорогой, накрыть праздничный стол на всю эту ораву в состоянии только вышеозначенная рабыня.

– Чего ты выдумываешь, Алена?! Накрыть стол! Где ты его накрывать собралась, на кухне у нас, что ли? Снимем ресторан, и все дела!

– Ресторан, говоришь?.. Тогда, знаешь ли, давай загородный ресторан, а?

– Прекрасная идея!

– Тем более что двадцать седьмое августа в этом году приходится на субботу. Праздновать можно начать с утра: сначала фуршет на лужайке, потом прогулка по водохранили-

щу на яхте, далее торжественный обед, а вечером чаепитие с фейерверком.

– На ходу сочинила?

– Да! Во мне, если хочешь знать, живет великий режиссер массовых мероприятий! Но в ожидании лучшего будущего я вынуждена работать твоей женой.

– Не прибедняйся. Твое официальное место работы – водной бизнес!

– Я бы предпочла не распространяться на эту тему.

– Как хочешь! Это твое право... Итак, двадцать седьмого августа состоится твой режиссерский дебют. Ты получаешь полную свободу в организации нашего праздника. Впрочем, если вдруг одумаешься, советую обратиться к компетентным товарищам. Испортить ведь недолго.

– Ты никогда не верил в меня!

– Эра дилетантов, Ален, постепенно уходит в прошлое. Наступает эра профессионалов! Учти тем более: мы никого не приглашали на свадьбу, поэтому праздник должен быть организован по высшему разряду. Так что...

Так что на следующий день с утра я уселась на телефон и стала методично обзванивать загородные рестораны. Во всех случаях я действовала одинаково: приглашала к телефону менеджера или администратора и с места в карьер излагала ему программу предстоящего праздника. По ходу дела администраторы перебивали меня:

– Катание на яхте – это, конечно, очень здорово, но от нас

до ближайшего водохранилища...

– Я поняла. Спасибо. Извините.

Или вот еще реплика:

– А сколько вы планируете приглашенных?.. О, боюсь для такого количества людей наша лужайка...

– Простите за беспокойство. Всего доброго.

Наконец к вечеру третьего дня вопрос с рестораном был кое-как улажен. Мой выбор пал на заведение под названием «Лесной терем», расположенное на берегу Холщевского водохранилища. На первый взгляд вроде бы все срасталось: и яхты, и лужайка, и фейерверк, и даже меню. Во всяком случае администратор заверил меня по телефону, что персонал «Лесного терема» в состоянии воплотить в жизнь самые смелые и взыскательные клиентские фантазии.

И все же я боялась сесть в лужу перед гостями.

Со мной иногда такое случается – я не замечаю вещей, буквально бросающихся, бьющих в глаза. Ну вот, например, закажу я этот ресторан, а потом окажется, что через дорогу торчит какая-нибудь жуткая труба и из нее валит черный зловонный дым. Или, не дай бог, в разгар праздника вдруг выяснится, что по соседству с рестораном находится кладбище, и самая патетическая минута нашего торжества будет омрачена звуками похоронного марша...

«Короче, мне непременно нужен советчик» – с этими словами я схватила телефон и, отыскав в записной книжке Сталин номер, нажала на значок связи. Конечно, самым лучшим

советчиком в этой ситуации оказался бы Стив. Но коль скоро он, едва выйдя из отпуска, уже горит на работе, придется прибегнуть к помощи его дочери.

– Стаська, мне срочно нужна твоя помощь! – без предисловий заявила я, не скрывая своего радостного возбуждения.

– Финансовая? – поинтересовалась Стася хмуро.

– Нет, почему же?.. – Я никак не ожидала застать ее в мрачном расположении. – Съездишь со мной завтра в ресторан «Лесной терем»?

– Ты приглашаешь меня в ресторан?

– Нет. То есть мы действительно можем позавтракать в этом ресторане, и ты мне посоветуешь, как...

– Ладно, посоветую. А куда ехать?

– В Подмосковье. На Холщевское водохранилище.

– Получается, к вам на дачу?

– Да нет! Наша дача рядом со станцией Холщево, а водохранилище в сторону, километров тридцать пять – сорок. Подъезд с другой стороны – по Леснорядскому шоссе... Там по идее красиво – заповедная зона, сосны, тишина.

– И чего мы в этой тишине будем делать?

– Во-первых, позавтракаем, а во-вторых, я посоветоваться с тобой хочу.

– А нельзя где-нибудь поближе?

– Вот именно, что нет! Ты должна одобрить мой выбор.

– Не понимаю.

– Завтра поймешь!

– Ну ладно, заеду за тобой завтра в десять. Надеюсь, ты не опоздаешь и не проспичь.

– А как же на работе? – запоздало спохватилась я. – Ничего, что вместо своего офиса ты поедешь завтракать в ресторан?

– Вообще-то за такое по голове не глядят. – Стася усмехнулась. – Но я пока еще в отпуске...

На следующий день, как мы и условились, ровно в десять Стасина «микра» поджидала меня на набережной. Было еще пасмурно и довольно прохладно, но по опыту последних нескольких дней я знала, что в полдень из-за туч пробьются жаркие солнечные лучи, к обеду дышать будет совсем нечем, а закончится дело грозой и проливным дождем. Учитывая погодные условия, я надела черные капри и алый кашемировый пуловер, а Стася была в чем-то джинсово-сером, со своей неизменной короткой стрижкой и практически без макияжа. Слегка припудренный нос, чуть тронутые тушью ресницы... В общем-то выглядела она обыкновенно, но мне вдруг показалось: что-то не так. Может, она была чуточку грустнее обычного. Задумчивее или грустнее...

– Все хорошеешь, – поприветствовала меня Стася.

– Ну не так чтобы уж очень, – улыбнулась я. – А ты все еще хранишь верность своему любимому стилю casual?

– Да, так оно само получается. Никакой особой любви. – На этот раз Стася приняла мой шуточный тон. – Отец гово-

рит, что отдохнули вы потрясно.

– Так и говорит?

– Именно. Это его слово.

– Значит, так оно и есть! А вы довольны своей поездкой?

– Как тебе сказать... – Стася запнулась на минутку, но потом заговорила гладко и быстро, словно по писаному: – Оказалось, как всегда в последнюю минуту, что Лешка со мной поехать не сможет. Какие-то дела у него на службе там срочные, я не знаю. Мои дальнейшие действия? Ну ясно – начинаю судорожно искать компаньонов. Юрмала к тому же не такое место, куда пипл рванет очертя голову. Короче, нахожу одну девчонку Альку, она в архитектурной мастерской работает, у них летом дел не так много. Начинаем оформлять документы, вместо Лешкиных Алькины данные вписывать. А везде очереди, напряги. Еле успеваем к положенному сроку, прилетаем в Юрмалу и заваливаемся на пляже. Уф! А через три дня начинается сначала. Звонит Лешка: у него все, видите ли, хай-фай, дела закончены, он собирается к нам лететь. И пришлось нам с Алькой две недели держать круговую оборону.

– В смысле?

– В смысле крутить динамо: в отеле нет мест, погода – хоть стреляйся, ну и все такое.

– Зачем?

– А зачем он нужен?

– А ты что ж, разве не хотела, чтобы Лешка прилетел к

тебе?

– Это лишнее. Перебор. Алька разыскала в Риге своих знакомых архитекторов, мы ходили по выставкам, по мастерским. Там, короче, своя тусовка – Лешка бы не вписался.

– Не понимаю тебя. – Я неодобрительно покачала головой. – А нам со Стивом твой Леша нравится. Очень даже!

– Я знаю, ваша с отцом голубая мечта наконец-то пристроить меня замуж. Хоть за кого!

– Леша не хоть кто...

– А мне уже двадцать четыре года!

– Не сердись! Леша симпатичный молодой человек и серьезный финансовый журналист.

– Кстати, нет на свете ничего скучнее финансовой журналистики.

Чтобы разрядить атмосферу, я сказала:

– Согласна.

– Вот видишь, даже ты признаешь, – заметила с улыбкой Стася.

– Даже я.

Стася посмотрела на меня почти с восхищением:

– А я знаю, за что тебя так любит отец!

– Только никому не рассказывай...

– Алла!

– А ты знаешь, куда мы едем?

– В ресторан.

– А зачем?

– Завтракать.

– А еще?

– Ты хотела мне рассказать о чем-то.

– Да! Вот слушай. В следующую субботу, двадцать седьмого августа, годовщина нашей свадьбы.

– Что?.. Какой свадьбы?

– Нашей. Нашей со Стивом... – добавила я зачем-то.

– Так у вас, оказывается, была свадьба?

– Ну, не свадьба – в таком смысле слова... Мы расписались, чтобы не было препятствий с удочерением. Иначе бы Танюшку забрали в детский дом...

– Не понимаю!.. А для чего вы это скрывали целый год?

– Да мы не скрывали! Просто не афишировали. Сама подумай, что нам оставалось? Устроить свадьбу мы тогда не могли. Таня пережила такое горе – потеряла родителей. Свадьба была бы просто кошунством! А теперь, когда боль немного утихла...

– И вы хотите устроить свадьбу постфактум?

– Ну, бог с тобой! Не свадьбу. Просто как-то отметить существование на свете нашей семьи.

– Но ты не станешь шить белое платье?

– С ума сошла! Белое платье в моем возрасте!..

– Тебе всего тридцать восемь.

– Это много.

– Глядя на тебя, не скажешь!

– А Стиву сорок три. У него уже взрослая дочь! Девушка

на выданье.

– Я ни на каком не на выданье. Не хочу я выходить замуж!

– Будешь старой девой?

– Одинокой женщиной.

– Одинокой женщиной?.. Не дай бог! Я-то знаю, что это такое – быть одинокой женщиной.

– В кино видела?

– Я не шучу.

– Извини, я просто не верю, что ты когда-то была одинокой... Как, ты говоришь, называется ресторан? «Лесной терем»? Ну вот, чуть не проскочили!..

Глава 2

В конце концов я решила пожертвовать руками. Всегда ведь приходится чем-то жертвовать.

В тот же вечер, вернувшись из «Лесного терема», я извлекла с антресолей голубой пластмассовый таз, налила воду, засыпала порошок и принялась за стирку синего платья. А что мне оставалось делать, если и для загородного ресторана платье было абсолютно беспроегрешным вариантом?

За стиркой я еще раз представила себе «Лесной терем». На первый взгляд ресторан стопроцентно отвечал моим режиссерским требованиям. Это оказался именно терем с пристроенными к нему с четырех сторон балкончиками-террасами. По лужайке, засаженной окультуренной травой-муравой, игриво сбегала к пристани стежка-дорожка. Здесь на причале стояли моторные лодки, яхты и катера, а чуть в стороне находилась лодочная станция.

– Чай пить будем непременно из самовара! – смеялась Стася, обсуждая с метрдотелем подробности предстоящего праздника. – И знаете что, никаких пирожных! Варенье, калачи... С чем еще на Руси любили пить чай?.. О, с медом!..

За завтраком мы немного выпили, и вино как-то неожиданно подействовало на Стасю. Обычно немногословная и сдержанная, она вдруг стала болтлива, говорила много и резко и, что уж совсем ужасно, фамильярничала с администра-

тором.

– У вас тут принято пить чай из самовара?.. Нет такого обычая?.. Очень зря! Советую завести!

Метрдотель услужливо кивнул и принялся высчитывать, во что нам обойдется удовольствие попить чайку с калачами на деревянно-резной терраске с видом на Холщевское водохранилище.

Я взяла Стасю под руку, и мы спустились к воде.

– Ну как, ты одобряешь мой выбор?

– А зачем тебе мое одобрение? – притворно удивилась Стася.

Будь она моей родной дочерью, я бы не сдержалась и поставила на место распоясавшуюся девчонку, например сказав ей в ответ что-нибудь резкое. А так – раздражение пришлось проглотить.

– Понимаешь, мы, я и твой папа, хотим, чтобы в этот день всем было хорошо. Чтобы близкие разделили нашу радость. А для этого нужна в первую очередь комфортная обстановка. Если собрать всех вечером в душном зале городского ресторана и угостить даже самым роскошным ужином... это, конечно, тоже неплохо, традиционно, но... немного формально. Как ты думаешь?

– Ну, наверно... А народец соберется такой разношерстный! Папашкины деяги, особенно вот этот надутый, как его?.. Востриков! Твоя тетя Ира, древняя черепашка, мы с Лешкой. А Свету свою ты тоже собираешься звать?.. Я так

и знала!.. Лучше бы им всем разбрестись по берегу, пить и закусывать малыми группками.

Я совершенно не понимала, на что она злится. А может, ей не понравился тот факт, что мы со Стивом целый год скрывали от нее узаконенность наших отношений?

– Ты не права, – решила поспорить я. – Всех этих людей роднит одно очень важное обстоятельство – мы с твоим папой их любим.

– И Свету?.. И Вострикова?

– А чему ты так удивляешься? Это наши друзья юности.

– Разве что за это... А все-таки приглашать Свету в приличное общество весьма и весьма стремно. Я бы тебе не советовала.

– Ну знаешь?! Перестань! Света моя подруга...

– И об этом лучше не упоминать.

– Стася, ты зануда! – воскликнула я, все еще стараясь свети неприятный разговор к шутке.

– Неужели трудно называть меня по-человечески?! – взорвалась она в очередной раз. – Меня зовут Настя! Не нравится – тогда Анастасия Степановна! Сколько же можно повторять?!

– Ты зануда вдвойне, Анастасия Степановна! Просто скажи, подходит для нашего праздника этот ресторан или поищем еще?

– Я же сказала: подходит в принципе... – Стася помолчала, поглядела на свинцово-серую гладь водохранилища. Вре-

мя уже перевалило за полдень – по воде скользили нежные солнечные блики. Становились жарко. – Такие деньги за какую-то муру отваливать! Честное слово – не понимаю. – Она решительно скинула джинсовку и осталась в бледно-зеленой короткой футболочке.

– Да что деньги?! Деньги и надо тратить на радостях! Значит, по-твоему, неплохой ресторан?

– Да. Неплохой. Кормят прилично, даже устриц подают... Но объясни, чего тут радостного? Прошел еще один год! Целый год жизни улетел в никуда!

– Но для нас это был такой счастливый, такой значительный год. Для всех троих!

– Ну и что же?

– Ничего, – потеряв терпение, ответила я сухо. – Ровным счетом ничего. Если ты считаешь, что ресторан приличный, поехали в Москву. Вечером я начну рассылать приглашения.

На ступеньках террасы метрдотель вручил мне калькуляцию, я не глядя убрала листок в сумку и направилась к машине.

– Вот ты говоришь: счастье, счастливый год... – продолжила Стася, вырвав с ресторанной парковки на грунтовую дорогу. – А чем, в сущности, несчастный отличается от счастливого?

– Это все субъективно, – проговорила я по-прежнему сухо.

– Ну а по-твоему?

– Чего спрашивать? Про мою жизнь ты и сама все знаешь.

Стася молча кивнула – она действительно досконально знала всю мою жизнь.

...Три года назад я вернулась в Москву из Юго-Восточной Англии. Вернулась, что и говорить, полным банкротом: без мужа, без детей, без профессии. Начинай жизнь с чистого листа! И это в тридцать-то пять лет, каково?! А посмотришь кругом – у ровесниц полная упаковка. Умные люди, как муравьи, по соломинке все в дом собирают, а я свою упаковку по дороге растеряла.

Муж... Был у меня и муж. Англичанин Роджер Стейн – ветеринар с богатой практикой и, следовательно, с большими финансовыми возможностями. Мы жили в собственном доме, имели на семью три машины. Но дело не в этом. В Англии все живут хорошо, и английское понимание финансовых трудностей в корне отличается от российского. А вот представление о счастье, по-видимому, космополитично. Потому что и в благополучной Англии женщина обречена чувствовать себя несчастной и одинокой, если она не любит мужа, тоскует по родине, переживает за пожилых, хворающих родителей. Однако по условиям брачного контракта просто так взять и уехать домой я не имела никакого права. Такие странные, запутанные были эти условия... Только когда меня по-настоящему припекло, я в два счета разобралась в условиях, выиграла бракоразводный процесс и даже деньги, положенные мне по брачному контракту, сполна по-

лучила.

Но все равно чувствовала я себя при этом полным банкротом. Родители к моменту моего возвращения домой умерли. В Москве меня поджидала громадная обветшалая трехкомнатная квартира и... голодная смерть.

Про смерть я догадалась довольно скоро, как только начала тратить контрактные деньги. Трат было много: ремонт, машина (за годы, прожитые в Великобритании, я решительно разучилась ходить пешком), да и просто насущный хлеб. Именно стоимость насущного хлеба поселила в моем сердце уверенность в неизбежности голодной смерти. Контрактных денег не хватит на всю оставшуюся жизнь. Идти работать? Куда, боже мой?

После института я служила переводчицей в одном военном учреждении... То-то меня там с распростертыми объятиями встретят! Можно было бы устроиться офис-менеджером или секретаршей. Но, поразмыслив, такой работе я предпочла голодную смерть.

И вдруг сам собой представился случай – в одной частной школе открылась вакансия учителя английского. Ничего особенного, вы это понимаете сами. Но, во-первых, какие-никакие деньги. Во-вторых, преподавание даже увлекало меня. Это такое занятие... что-то на пересечении лингвистики, психологии и театральной режиссуры. А к режиссуре, как вы заметили, я определенно неравнодушна.

А в-третьих, владельцем этой частной школы оказался

Стив. Когда я его увидела в первый раз...

И кстати, познакомила нас моя подруга Марина, которая работала у Стива наемным директором... Подумать только, с тех пор не прошло и трех лет, а сколько утекло воды! Марина вышла замуж, родила дочку Ниночку. Перед Испанией мы ездили к ней на день рождения – малышке исполнилось уже два года.

Частная школа давно закрылась с громким скандалом, я успела стать жертвой разбойного нападения, загреметь в больницу с переломом ключицы и сотрясением мозга средней степени тяжести, поработать консультантом в издательстве «Иероглиф», получить от тетки в наследство дачный участок и приступить к разработке источников минеральной воды, на этом участке обнаруженных. Стив за это время успел сделать мне предложение, потом меня бросить, а потом – снова подобрать. (Последнее событие, замечу в скобках, произошло не без Стасино участия¹.)

– Ты хочешь сказать, что твое главное счастье – мой отец? – после затянувшегося молчания спросила Стася.

– Ничего я не хочу! А то, что хотела... Тебе, наверное, скучно будет слушать.

– Ты обиделась?.. – Не получив ответа, Стася поехала дальше: – Получается, от одного человека зависит вся жизнь?! Неужели так?

---

¹ Этим событиям посвящены романы А. Соловьевой «Московская история» и «Сказка о потерянной близости».

– Жизнь зависит в первую очередь от здоровья, от войн и революций и прочей политической чепухи. А что касается человека, в этом можно убедиться лишь эмпирически.

– Как?

– Ну, сама поймешь, когда встретишь такого человека.

– Вот я и думаю... – загадочно протянула Стася.

– О чем это ты думаешь?! – Я вдруг как-то встрепенулась, почувствовав, что больше не сержусь на нее.

– О том, кого встретила! – коротко, как отрезав, ответила она.

– О ком же?

– Ладно. Об этом после поговорим... – И через минуту уже совсем другим тоном, будто бабочка порхает с цветка на цветок: – А приглашение мне можешь не присылать. Я и так запомнила: в сегодняшнем ресторане двадцать седьмого августа в одиннадцать часов утра. Форма одежды?

– Свободная.

Я сейчас же вспомнила про синее платье и про пятно. Сама отстирать попробую – на химчистку времени уже не останется. Рискну! А не получится – тогда уж в химчистку... Но химчистка – это непременно долгая песня, и в случае неудачной борьбы с пятном мне придется разориться на новое платье. То есть Стиву придется... Но он мне сам предлагал, помнится...

Глаза боятся – руки делают.

Сначала злополучное пятно я обработала специальной

жидкостью, предусмотрительно купленной по дороге. Потом погрузила платье в мыльную пену и героически отполоскала его под струей ледяной воды. Неужели мои подвиги не будут вознаграждены свыше?

Всю ночь платье сохло в ванной на вешалке, а утром мы проснулись от пронзительного Танюшкиного крика:

– Алла, его нет! Нет!!! Оно исчезло! Алла, смотри!

Я села на кровати, не в силах открыть глаза, тем более понять, что происходит. Сознание в полной мере вернулось ко мне лишь после того, как я услышала грозное восклицание Стива:

– Таня! Как ты себя ведешь?! Врываешься без стука в родительскую спальню! Немедленно выйди отсюда. Сейчас так рано, мы еще спим!..

– Сейчас без десяти восемь! – не уменьшая громкости, ответствовала Танюшка. – Тебе пора вставать! Скажи спасибо, что я тебя разбудила! – С этими словами обиженный ребенок покинул территорию родительской спальни.

– Спасибо скажи!.. – ворчал после ее ухода Стив, а я бессильно откинулась на подушку, стараясь побыстрее проснуться, а заодно и постичь только что случившееся.

Произошло же на самом деле несколько вещей.

Во-первых, пятно! Его больше нет! Мое любимое синее платье, пройдя курс реабилитации, снова возвращается к жизни! И значит, у меня есть в чем пойти на праздник.

А где же тогда радость, столь естественная и законная в

такой ситуации? Радости нет. Это так всегда. Даже самая большая и светлая радость всегда омрачается какими-нибудь многочисленными мелкими неприятностями. А уж победа над пятном – да это просто смешно!..

Это мне смешно – сорокалетней женщине. А моей Танюшке всего одиннадцать. Она обрадовалась, и очень серьезно. И меня обрадовать захотела. Поэтому и ворвалась в нашу спальню с радостным криком. Но Стив!.. Мужчины вообще к таким вещам нечувствительны. Им чужд этот уютный мирок маленьких радостей и сюрпризов.

Да ради бога! Это же личное дело каждого!.. Но будь ты по крайней мере деликатнее. Сам понимаешь: перед тобой девочка. Ребенок!..

В прошлом году, когда мы только удочерили Танюшку, нам предложили воспользоваться услугами детского психолога, и мы взяли у него несколько консультаций. Психолог говорил много и пространно, из его речей я вынесла лишь прописные истины, вроде: никогда не повышайте голоса, но умейте настоять на своем, не прибегая к крикам и репрессивным мерам.

А Стив взял и пренебрег этим золотым правилом! Свел на нет нашу маленькую радость и мало того – обидел Таню...

Я открыла глаза и взглянула на часы. Восемь. Стив лежал недвижимо с закрытыми глазами. Досыпал ли, боролся ли со сном – неизвестно.

– Пора вставать, – железным тоном сообщила я. Пусть по-

чувствует, каково это получить удар в самую неожиданную минуту. И выждав немного, повторила: – Пора вставать.

– Что-то не так? – слабо поинтересовался Стив, покорно сползая с кровати.

– Все так, – продолжала я железным голосом. – Все так. Или почти все.

– Почти?

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я.

– Да. Но, Алена... Мы же, наконец, должны воспитывать ребенка... Ей нужно усвоить хотя бы самые элементарные правила: в спальню ко взрослым нельзя входить без стука.

– Боюсь, твои педагогические установки неактуальны в нашем случае! – Я присела к зеркалу, поправила волосы, потом надела халат и углубилась в хитрую систему его веревок и завязок. И только на Стива я ни за что взглянуть не желала. – А неактуальны они потому, что девочка наша и так знает все правила, и, заметь, не только самые элементарные!

– А тогда в чем дело?

– Просто она очень обрадовалась.

– Позволь же узнать, чему?

– Я совершила почти невозможное: отстирала от синего платья то жуткое пятно.

– Что?! Опять это платье?! Опять пятно! Ну я же просил тебя! Сколько можно слушать про это платье?!

– Вот видишь! Ты же мне ни капельки не сочувствуешь! А Танюшка вот посочувствовала, так ты уже и недоволен.

– Прекрати!

– Мало знать правила приличия! Ребенок должен расти отзывчивым.

– Это она от большой отзывчивости разбудила нас ни свет ни заря?!

– Без десяти восемь. Ты бы иначе на работу опоздал! – С этими словами я устремилась на кухню, чтобы заняться приготовлением завтрака.

Недавно в одном женском журнале я вычитала рецепт блинчиков со шкварками. Рецепт оказался прост, как все гениальное. Обычное блинное тесто замешивается на кефире, затем в него добавляются шкварки, и получается великолепный горячий завтрак. Блюдо, конечно, на любителя. Но Стив как раз-то и оказался любителем, да еще каким! Несложно поэтому понять, почему навыки приготовления блинчиков я в рекордно короткие сроки сумела довести до автоматизма.

Кефир, мука, яйца, сахар, миксер, сковородка, бекон...

А что толку, если человек усвоит формальные правила этикета, а в душе останется сухарем?! Вот хотя бы и Стася. У нее великолепные манеры: сдержанность, простота, тонкий вкус. Но временами она мне чем-то напоминает деревянного человека. В Риге ей, по всей видимости, понравился какой-то мужчина, но она боится, осторожничает, высчитывает чего-то. Вот оно, твое хваленое воспитание, мой дорогой муженек!

Правда – я совсем забыла об этом – в девятнадцать лет

Стася пережила какую-то трагическую любовную историю, из-за которой пыталась отравиться, выпила запредельную дозу сильнодействующих таблеток и этим на всю жизнь посадила себе сердце. Да, на всю жизнь!.. Но, может, от попытки самоубийства на всю жизнь осталось кое-что еще?

Ну да, остался иммунитет. Эта недоверчивость, осторожность... и, несмотря ни на что, – страстное желание любить и быть счастливой. Бедная, бедная Стася! И бедный Стив. Я знаю точно: он никогда не перестает беспокоиться о дочери. А сколько ему пришлось перестрадать, пережить из-за нее... Стасе было десять лет, когда от лейкоза скончалась ее мама – двадцатидевятилетняя красавица, талантливая художница и нежно любимая жена. Стив один занимался воспитанием осиротевшей девочки. И он воспитывал ее как умел...

– Алла, извини, что я разбудила вас, – входя на кухню, затверженно попросила Таня.

– А я и не сержусь! – Я постаралась как можно правдоподобнее улыбнуться. – Если хочешь знать, в Древней Греции гонцу, приносившему хорошую новость, оказывали разные почести!

– А дядя Степа сердится? – не унималась Таня.

– Прекрати! Никто не сердится на тебя! Но, я надеюсь, и ты ни на кого – тоже.

– Да нет, я не сержусь. Просто как-то неудобно получилось.

– Подавай тарелки, сейчас блинчики будем есть.

– Нет, Ал, только не блинчики!

– Это еще что за новости?! – вознегодовала я. – Ничего другого на завтрак у меня нет.

– Я не могу есть блинчики со шкварками, – невозмутимо продолжала Танюшка, – в них слишком много калорий.

– Ну и что?

– Я буду толстая жирдоска, как Женька.

– Толстая жирдоска? Да ты посмотри на себя, в чем только душа держится?! – Я положила на блюдо последний блин и с грохотом отодвинула сковородку.

– По какому поводу митингуем? – иронически улыбаясь, спросил Стив, заглядывая на кухню.

– Да ты только посмотри на нее! Она теперь знаешь о чем мечтает? Похудеть! И вот – от завтрака отказывается.

– Можно я просто съем апельсин? – заканючила Танюшка.

– Апельсин и два блинчика!

– А кто недавно проповедовал, что о человеке нельзя говорить в третьем лице, если он находится здесь, в этой же комнате? Ты, случайно, не знаешь, кто это был такой?

– А мы не в комнате, а на кухне! – засмеялась Таня.

– Все равно. Алена, ну как, припоминаешь?

– Нет, не припоминаю.

– Видимо, это был некто с лингвистическим образованием! Нормальные люди понятия ведь не имеют про все эти лица, склонения и спряжения.

– И между прочим очень зря! Садись, я сейчас пригото-

лю кофе.

Глава 3

Первыми приехали моя подруга Марина и ее муж Давид – высокий, красивый, колоритный – остепенившийся витязь в тигровой шкуре, одним словом. Что до Марины, она в своем серебристо-сером одеянии напоминала ангела из детской рождественской сказки. Еще в ней было что-то от живаговской Лары: та же грациозная гибкость, пепельные локоны и серые глаза, с самоотверженным спокойствием глядящие на мир.

Давид Амираношвили был Марининым вторым мужем. С первым, отцом ее троих мальчиков, Марина прожила больше десяти лет. И вот, когда их младшему едва сравнялось три года, сей достойный муж уехал, почти сбежал за границу с другой женщиной, от которой, как стало впоследствии известно, он тоже имел ребенка – трехгодовалую дочку.

Марина молча собрала в узел пепельные локоны и пошла устраиваться на службу. В юности она закончила вуз и имела диплом учительницы начальных классов.

Учительницей моя подруга прослужила ровно три года – успела подготовить свой единственный выпуск и как раз незадолго до выпуска случайно познакомилась с Амираношвили. Амираношвили – серьезный бизнесмен, быстро просек, что имеет дело с исключительно качественным и, главное, уникальным, прямо-таки штучным товаром. Женщин

в наше время кругом пруд пруди, но таких он что-то не припомнит. Марина была прекрасна, как живаговская Лара, только без Лариного надлома. Через год после их знакомства Амираношвили женился на Марине.

– Какая точность! Вы единственные приехали вовремя! – Мы со Стивом встречали гостей на ступеньках террасы ресторана с застывшими, чуть напряженными улыбками.

– Поздравляем! – Давид вручил мне огромный праздничный букет, а Марина обняла и расцеловала меня. – Такое событие! И вы целый год скрывали его от нас! Тоже мне друзья!

– Сначала совсем хотели скрыть, а теперь вот раскаялись – передумали... Проходите, располагайтесь. – Стив кивнул на террасу, по которой проворно сновали официанты. – Давайте выпьем, а то пока еще все соберутся... Кроме вас, других таких обязательных не нашлось.

– Дорогой Степа! – Марина улыбнулась тепло и нежно. – Дорогой Степа, я хочу выпить за тебя. Мы с тобой давно знакомы, и я очень тебя люблю. Но особенно я люблю тебя за то, что ты дал счастье нашей дорогой Аллочке! Я это с полной ответственностью говорю, потому что помню, какой она была до вашей встречи... А теперь Аленка – счастливый человек, я точно знаю, меня не обманешь!.. За то, чтобы вы всегда были вместе и ты бы ничем не огорчал ее!

– И чтоб она тебя – тоже. – Давид весело подмигнул Стиву. – В общем, за вас!

– Спасибо, ребят. Спасибо, Маришка. – Я залпом выпила переохлажденное шампанское, поставила на стол пустой фужер и вздохнула.

– Что это ты так тяжело вздыхаешь? – Амираношвили усмехнулся.

– Не обращай внимания, у моей жены привычка вздыхать от полноты сердца.

Раньше я ни разу не слышала, чтоб Стив говорил обо мне «моя жена». Странно это звучит все-таки – «моя жена». Грубо довольно-таки. Совсем по-другому, чем «мой муж».

– Пойдем посекретничаем, дорогая, – предложила Марина. – Мальчики – по глазам вижу – собираются повторить, а нам с тобой, пожалуй, достаточно.

– Пойдем.

– Вы там не загуливайтесь! – предупредил Стив. – Алена, не забудь: ты хозяйка сегодняшнего праздника.

– Я только покажу озеро Марине.

По знакомой уже стежке-дорожке я повела свою подругу на берег. День выдался солнечный, ясный, гладь водохранилища казалась на этот раз не свинцово-серой, а ярко-синей, как мое платье. Смотреть на нее было больно – отраженное в воде солнце слепило глаза.

– Тут как в сказке! – улыбалась Марина. – Море синее, солнце красное...

– Трава зеленая!.. – добавила я. – Газонная травушка-муравушка...

– Не хватает только добрых молодцев и красных девиц!

– А мы чем плохи?

– Мы? Если бы назад лет двадцать... Вот Стася, например, типичная красна девица.

– Без добра молодца.

– Это плохо. Но поправимо.

– Как сказать! Был у нее отличный молодой человек. Сама посудит: квартира на Юго-Западе, престижная работа. Порядочный, серьезный и очень, кстати говоря, симпатичный. Два раза делал ей предложение. Второй раз официально – через отца. К Стиву в офис приезжал, представляешь? Наша красна девица ответила знаешь что?.. Пока подождем!

– Ее, наверно, быт пугает. Она у вас такая вся из себя отрешенная, оторванная от жизни.

– А по-моему, быт тут ни при чем! Они два года прожили вместе, и, насколько известно мне, Стася не перетрудилась на ниве домашнего хозяйства. Просто она осторожничает, выжидает чего-то.

– А ты не догадываешься чего? – Марина лукаво улыбнулась.

– Догадываюсь, но... С одной стороны, это очень правильно – ждать. В высшей степени правильно и мудро! А с другой – в двадцать четыре года пора уже попробовать по-настоящему. Как ты считаешь? По-моему, пора.

– А я считаю, не стоит! Что же ты предлагаешь – выходить замуж просто ради опыта? Ради эксперимента, что ли?! Да

разве можно так?

– Ты права: нельзя.

– Вот и я думаю, – не стоит. Но в юности всем хочется обзавестись этим самым пресловутым опытом, скорее повзрослеть! Я, например, недавно узнала, что мой Денис – представляешь? – уже полгода живет с женщиной!

– Твой Денис?! Старший?.. Да сколько же ему?

– Восемнадцать весной исполнилось.

– С женщиной? Скажешь тоже! Девушка, наверно, ровесница его.

– Девушке перевалило уже за двадцать пять, и сын у нее шестилетний. Она работала администратором в парикмахерской – в салоне, куда Денис ходил стричься.

– Да... – Я невольно вздохнула. – Это уж совсем неподходящее что-то... И чем же она пленила его?

– Я сама долго не понимала чем. Девочка худенькая, маленькая, на щечках – следы юношеских вулканических прыщиков. После смерти ее отца дядя гонит их с матерью из дома. Они с ним несколько лет из-за квартиры судятся... Плюс к тому у нее собственный ребенок.

– Ужас какой-то!

– Ну и что, не догадываешься, чем она пленила Дениса?

– Может, он ее пожалел?

– Может... И ее, и мальчика тоже. Вспомнил, как мы вчетвером жили на одну зарплату, пока не появился Давид.

– Ну знаешь, Давид – совсем другое дело. У него деньги,

фирма, серебристый автомобиль... А Денис – ну что он может? Совсем мальчишка еще!

– Вот и я о том: мальчишка, а выглядеть хочется мужчиной. Перед кем только выглядеть? Перед собой? Да скорее всего! Квартиру снял для них, отдыхать повез в Турцию.

– На какие ж деньги?!

– Пошел работать. Давид пристроил его менеджером на фармацевтическое производство. Там рабочий день – двенадцать часов. Вот тебе и взрослая жизнь в лучшем виде.

– А как же учеба?

– Надо успевать, раз ты взрослый. – Марина невесело усмехнулась. – Мне он, по крайней мере, так все объяснил.

– Переживаешь?

– Есть чуть-чуть. Знаешь, самое ужасное что? У них получается семья понарошку. Пока что Денис с удовольствием изображает отца семейства, а потом ему надоест... Да просто он устанет рваться между институтом, фармацевтическим производством и нелюбимой женщиной!

– Ты так уж уверена, что нелюбимой?

– Я же тебе сказала: там жалость, а не любовь! Но обстоятельства понемногу выправились. Теперь бедняжка живет в хорошей квартире на всем готовом, из салона уволилась. Сынишка тоже пристроен: ходит в дошкольный лицей. И ради чего, скажи на милость, Денису дальше тащить этот воз? Сначала, – я отлично понимаю – он подражал Доду. Но невозможно всю жизнь руководствоваться одним только

подражанием! Пока не поздно – лучше расстаться... А может, уже и поздно! Ты только подумай, какая травма для мальчика!.. А если она ему своего ребенка родит?

– Не родит!

– Ну а вдруг? Со временем будет двое детей-сирот...

– Что же, Денис бросит своего ребенка?

– Если не бросит, так и придется прожить с чужой... Я как-то сразу почувствовала: она чужая ему. Чужие они... Ради ребенка придется с этим мириться. Ради отцовского долга. Где ты видела мужчину, способного на такое?!

– Тут не важно, мужчина или женщина, – без особой уверенности заметила я.

– А по-моему, важно. Даже очень! У наших мужчин насчет долга напряженно, а уж насчет родительского...

– Ну не у всех!

– У многих! У большинства! Понимаешь, ребенка с детства надо учить всему: ходить, правильно держать ложку, писать буквы... И любви надо учить тоже! Не только принимать чужую любовь, но и дарить свою. А мы их этому не учим. То ли времени нет, то ли просто в голову не приходит... Я не учила, во всяком случае.

– Может, ты все-таки немножко драматизируешь? Недолгие гражданские браки – у молодежи теперь это модно. Денис и сам, наверное, понимает кое-что... Уже большой мальчик... Не расстраивайся так!

– Большой! Если бы у тебя были свои дети, Ал, родные

дети, ты бы поняла...

– Какая разница, родные или приемные? Это мои дети – и все!

– Признаюсь тебе по секрету, я иногда ощущаю себя волчицей. Так бы и набросилась на нее: зачем коверкаешь моему сыну жизнь?! Просто инстинкт звериный какой-то.

– С ума сошла! Ты лучше посмотри на себя в зеркало – у такой, как ты, не может быть звериных инстинктов!

– Очень даже могут! И враждебность, и страх. Как бы там ни складывалось, я буду бороться за интересы своих детей. Я за них не задумываясь всем перегрызу глотки!

– Неправда! Сама же говоришь: жалко мальчика, ее сына. Да и она, в сущности, не виновата ни в чем.

– Это все логика, рассудок! Но когда я представляю, чем для Дениса закончится их сожительство, просто сама не своя делаюсь!

Я попыталась представить, чем для Стаси закончится ее сожительство и даже гипотетический законный брак с Лешей, и неожиданно почувствовала правоту Марины. Стася для меня всего лишь падчерица – приемная дочь. И я... я все-таки плохо ее понимаю. Она так мало говорит о себе и всегда такая ровная, сдержанная. Когда-нибудь Леша устанет от этого ледяного спокойствия и уйдет от нее совсем...

Да ей плевать! Стася нимало не огорчится! Я на удивление четко представила себе финальную сцену их любовной истории и ощутила горячую волну жалости к Леше. Стася

попросту обманывала его два года. Водила за нос! Морочила голову! Грелась в лучах его чувства. Потребительствовала, одним словом.

Чего-чего, а грызть глотки за Стасю я не хочу. Выходит, Марина права: приемные и родные дети – это все-таки большая разница.

Родных детей Бог мне не дал, зато приемных у меня целых трое. Стася – дочь Стива от первого брака, Женечка и Танюшка – дочери моей двоюродной сестры Даши, трагически погибшей в прошлом году.

Судебная экспертиза доказала: Даша погибла от руки собственного мужа. Дело происходило на нашей даче в Холщеве. Супруги сильно повздорили, и разгоряченный Володя поднял руку на жену. Мне известно доподлинно: Вова не хотел ее убивать. Но иногда и слабого удара и даже просто угрожающего жеста может оказаться достаточно. Даша попыталась к крыльцу, оступилась и упала. При падении ударилась виском о ступеньку и умерла. Судмедэксперты констатировали мгновенную смерть.

Увидев, что он натворил, Вова пустился в бега. Его родители проживают на Украине в городе Крыжополе, и я склоняюсь к мысли, что сейчас он скрывается на необъятных просторах этой суверенной республики.

Да какая разница, где он?! Важно другое: десятилетняя Танюшка и девятнадцатилетняя Женя в одночасье остались без родителей.

После Дарьиных похорон мы со Стивом решили удочерить Таню. А органы опеки потребовали в срочном порядке узаконить наши непростые отношения, положив тем самым конец существующим между нами разногласиям и недоумкам. Сего дня этому грандиозному событию исполняется уже год...

После смерти матери Женя, старшая сестра Тани, осталась в родительском доме. На ее плечи сразу посыпались разные взрослые заботы: уход за тяжело больной бабушкой, моей теткой Ириной Сергеевной, руководство ветеринарной клиникой – любимым детищем покойной Дарьи. Мы со Стивом чем могли старались поддерживать Женю, но кроме нас во всех делах у нее был еще один надежный помощник – хорошенький, белокурый мальчик Макс, за которого не так давно Женя вышла замуж.

Сейчас все мои приемные дети: Стася, Женя, Танюшка и Макс – сидели на лужайке и разговаривали.

– Алла! Аллочка! – Они наперебой бросились ко мне. – Алла, как здесь здорово!

– А мы тебя поздравляем!

Женя, как настоящая деловая женщина, энергично пожала мне руку, а Макс кивнул на внушительных размеров коробку, красиво перевязанную атласной голубой ленточкой:

– Вам это пригодится в семейном быту!

– А у меня, – улыбнулась Стася, – подарочек личный. Для одной тебя. Угадай что? Сдаешься?! Смотри! Лучшие дру-

зья девушек – это бриллианты! – Она извлекла из сумочки бархатный ювелирный футляр.

– А где Лешка? Не приехал? Позволь узнать почему? – спросила я наигранно строго.

Получилось совершенно по-свински. Вместо того чтобы поблагодарить Стасю, я досаждала ей неприятными вопросами.

– Нет, к сожалению, – ответила Стася кротко. – Он на пресс-конференции...

– По какому поводу конференция? – поинтересовался Макс. – Какие-то сенсации в финансовом мире?

– Пресс-конференция в департаменте экономики правительства Москвы. Что-то связанное с городским бюджетом, не помню точно.

– Позвони, пусть хотя бы после конференции заедет.

– Я передам... Если дозвонюсь, конечно. Пока у него отключен мобильник... Вы не хотите сходить на озеро? – обратилась она к Жене и Макс. – Очень красивый берег, а на пристани яхты...

– А правда, что мы сегодня на яхте покатаемся? – не поверил Макс.

– После фуршета! – объяснила Таня с большим достоинством. Получилось до того серьезно, что Стася, Женья и Макс, как по команде, разразились гомерическим смехом.

Я тоже не выдержала и улыбнулась.

– А ты почему смеешься? – обиделась Танечка. – Ты же

мне сама говорила, что сначала будет фуршет.

– Но я же тебя не обманывала!.. – Я с трудом подавила приступ дурацкого хохота. – Будет фуршет, потом пикник с катанием по водохранилищу, торжественный праздничный обед...

– Вы могли бы распечатать программу праздника и разо-слать гостям! – подсказала Женя. – Очень эффектно! Мы недавно ходили к одним свадьбу – так там гостям раздава-лись специальные программки мероприятия.

– Алена, вернулась?.. Наконец-то! – Стив появился как будто из-под земли. – Идем скорей – Востриковы едут!

– Здравствуй, пап. – Стася помахала ему. – Я вас поздрав-ляю. Аллу уже поздравила, а тебе хочу пожелать...

– Спасибо, Настюш, спасибо, – перебил дочь Стив, – Ал-ла, идем же встречать Востриковых!

– Папа, я не договорила!

– Потом, Настя. Все потом!

– А с чего это такое почтение Востриковым? – спросила я, следуя за Стивом почти вприпрыжку.

– Тут не в Востриковых дело! Как ты не понимаешь? Это же элементарно! Мы с тобой лично должны встречать каж-дого гостя! Люди готовились... поздравления там, не знаю, подарки... Игнорировать такие вещи – по меньшей мере хам-ство!

– Ты прав, с одной стороны. Но я бы с ббольшим удоволь-ствием поболтала со Стасей и Женей.

– Успеешь еще.

– Будем надеяться...

Мы снова замерли на крыльце с приличествующими выражениями на лицах. Эдакие гостеприимные хозяева, счастливые супруги и добрые друзья – три аромата в одном флаконе. Обидно все-таки, что праздник, задуманный от избытка сердца, неизбежно оборачивается пошлым карнавалом!

Что делать?.. Следуя правилам этикета, приходится надеть маску радушия. Ничего другого просто не остается – ведь я на дух не переношу этого пройдошливого Вострикова – человека с внешностью конферансье и замашками шута.

Самое удивительное, что никто, даже из самого ближайшего его окружения, не может определенно сказать, чем Востриков занимается по жизни. Слухи о нем ходят самые противоречивые.

В начале новой экономической эры инженеру Вострикову нежданно-негаданно повезло. Волна судьбы выкинула его на берег какой-то серьезной добывающей компании. Но везение длилось недолго – компания быстро развалилась. Далее Востриков, перелетая из тени в тень, был замечен в тесных контактах с печально известными фондами «МММ», «Тибет» и «Чара». Когда фонды один за другим скандально пали и Вострикова всерьез взяли за жабры, вдруг вскрылась фантастическая вещь. Востриков оказался ни много ни мало сотрудником российской контрразведки. Естественно, это всего лишь непроверенные слухи. Рассказывали также, что че-

рез подставных лиц Востриков по-крупному и успешно играл на бирже, а еще – занимался поставкой канадского леса в Европу... Даже Стив, друг детства, не мог сказать ничего определенного о бурной и темной карьере Вострикова. Только за одну деталь в его биографии Стив мог поручиться наверняка. Востриков никогда не был женат, а в свет неизменно являлся в обществе молоденьких девушек – фарфоровых кукол. Но и куколки эти казались подозрительными и сопровождали его неспроста. Иногда Востриков надолго исчезал неизвестно куда. Но потом возвращался, опять свеженький как огурчик и даже веселей и моложе прежнего.

Черт знает что скрывается за его веселым балагурством. Только Вострикова я не любила и боялась.

– Зачем было его звать? – прошипела я, завидев дорогого гостя.

– Друзей детства не выбирают, Ален. – Стив очаровательно улыбнулся.

Востриков был, как обычно, разодет, надушен и напомажен. Даже на пикник в загородный ресторан его угораздило вырядиться в костюм, галстук и белую рубашку. А в довершение чуда под руку с героем дня в галстукеша шагало очередное фарфоровое создание.

– Степа, я восхищен!.. – произнес Востриков комическим тоном.

Фарфоровое создание прыснуло, оправляя помятое в машине коротенькое платьице.

– Я тоже, – засмеялся Стив.

– Хоромы в русском духе, – продолжал Востриков, обводя взглядом ресторанный комплекс.

Мне нестерпимо захотелось смутить шута.

– Благодарю вас за комплименты, Андрей Витальевич. Мне очень приятно, что вам нравится в «Лесном тереме». Знаете, ведь это целое искусство – правильно выбрать ресторан. Если хотите, я обучу вас некоторым хитростям, знание которых вам, Андрей Витальевич, просто необходимо. У вас ведь скоро сорокапятилетие, не так ли?

– Милая Аллочка. – Востриков расплылся в улыбке, ничуть не смутившись. – Как известно, война – ерунда, главное – маневры. Поэтому я всегда выбираю ресторан, исключительно руководствуясь его кухней. Хороший повар – вот что правит миром.

– Ах вот как!.. – Меня бросило в жар. – Если бы вы сейчас не раскрыли свою тактику, я бы... ни за что не догадалась.

Наметившуюся было заминку мгновенно ликвидировала фарфоровая девушка, которую Востриков даже не удосужился нам представить.

– Я присоединяюсь к поздравлениям. – Она чмокнула меня в щеку, обдав запахом приторного парфюма. – Получайте подарки!

У девушки были неестественно холодные для жаркого летнего дня руки и длинные острые ногти. Вручив мне зеленый сверток и несколько подвядших гвоздик, она каким-то

образом умудрилась поцарапать мою ладонь.

Я не знаю, какими еще талантами обладал Востриков, но один у него был несомненно. Востриков умудрялся делать дорогие, но удивительно никчемные подарки. Возможно, это было не случайно. Этими странными подношениями он хотел что-то сказать. Все может быть... Но пузатая китайская ваза, преподнесенная мне на последний день рождения, фантастически не подходила ни в одну из моих комнат. А вычурная статуэтка Минина и Пожарского, вырезанная из гелиодора, с серебряными часами на щите Пожарского, подаренная при первом (и надеюсь, последнем) посещении моей квартиры, – это хотелось запрятать подальше с глаз долой. Интересно, что Востриков приготовил на этот раз?

– Ты что, совсем уже? – нарушил Стив мои размышления. Я оглянулась: его лицо по-прежнему излучало радушие, гостеприимство и любовь ко всему живому. – Напрашиваешься на день рождения к Андрюхе?!

– Напрашиваюсь? Я? Да я его терпеть не могу! Сам знаешь.

– Тогда к чему все это?! Тебе же, по-моему, известно, что он не зовет к себе женщин. Устраивает мальчишники...

– Известно, – лучезарно улыбаясь, согласилась я. – Но еще мне известно, что после этих мальчишников в дешевых ресторанах ты долго не можешь прийти в себя.

– Это тебя не касается!

– Касается! Ты же мнеливаешь душу и жалуешься на

желудок.

– Больше не буду!

– Конечно, я сейчас ему кое-что посоветую, и он, глядишь, позовет вас в какое-нибудь приличное заведение.

– Не вздумай ему ничего советовать!

– Ну, если ты так просишь... Ой, смотри, это чья серая машина?

– Черт знает чья!

– А чего так мрачно?

– А как бы ты хотела? Опять начнешь позорить меня перед друзьями.

– Я? Позорить?

– В гости набиваться! Или, может, Христа ради просить?

– Как тебе не стыдно! Я, можно сказать, грудью на амбразуру, а ты – позорить! Да если бы Востриков проговорил еще полминуты, ты бы расхохотался ему в лицо! Я же видела: ты сдерживался из последних сил.

– Не согласен! Я просто радовался встрече со старым другом.

– Хорош друг! Ты знаешь о нем меньше, чем вот об этом официанте. А это кто ж такой?!. Стив?!

– Не знаю...

На поляну бесцеремонно вкатил мышинового цвета «фольксваген» с сильно тонированными стеклами. Мы оба замерли. Гости удивленно повернулись к неизвестной машине.

– Первый раз вижу, – признался Стив напряженно.

– Душно тут у вас, ребята... – Востриков быстро сунул руку в карман за платком, но рука так и осталась в кармане.

Передние дверцы «фольксвагена» распахнулись одновременно. Из машины вышли двое неизвестных в черных костюмах. Я глянула на Стива. Он пристально следил за незнакомцами. Значит, он тоже не знал, кто это такие. Давид легко кивнул нам, мол, не стойте на виду – сойдите с крыльца. Один из незнакомцев поднял багажник и выволок оттуда какую-то трубу.

– Стив?! Что происходит?! – Мне стало нехорошо.

– Сейчас разберемся. – Стив сошел со ступенек.

В этот момент задние дверцы «фольксвагена» раскрылись, и на солнечную поляну выпрыгнула чета наших приятелей Ненашевых. Они весело замахали руками:

– По-здрав-ляем!.. По-здрав-ляем!..

– Уф... – Я перевела дух.

– Новую машину купили! – улыбнулся Стив.

– Ку-пи-ли!.. – скандировали Ненашевы.

– А кто у вас в трубе? – Востриков вытащил из кармана платок и вытер вспотевшее лицо.

– Ко-вер! Ко-вер!

И это действительно был ковер. Узбекский ковер ручной работы. Двое в черном молча положили его к моим ногам. Я, растроганная и смущенная, не могла найти подходящих слов и тоже молчала.

Когда Ненашевы были у нас в последний раз в гостях, я неосторожно обмолвилась о том, что собираюсь приобрести новый ковер для спальни. Толстый-претолстый, теплый-пре-теплый. Такой, чтобы утром хотелось поскорее встать и ощутить под ногами его мягкую ласковую поверхность... И вот сейчас чистокровнейший узбекский ковер лежал у входа на террасу ресторана. Ненашевы просто взяли и совершили чудо – исполнили мою давешнюю мечту.

Пораженный не менее, чем я, Стив нервно сглатывал у меня за спиной.

– Да вы хотя бы развернули его! Посмотрели бы, что внутри! – потешалась над нашей растерянностью Людмила Ненашева.

– Мы вам верим, – ответил Стив серьезно. – Это и есть тот самый ковер, о котором Алена болтала в состоянии подпития средней тяжести.

– Ах, Степа, Степа! – лукаво сощурилась Людмила. – Ведь что у трезвого на уме, у пьяного на языке!

– Ну, Людочка! Я же не думала... В мыслях не имела, что вы собираетесь его покупать!..

– А мы вот имели! – Люда искрилась радостью. – Да посмотри же ты, наконец! Я его полдня выбирала!..

– Именно ты? – Как замороженная, я глядела на причудливые узоры темно-красного, лилово-гранатового ковра. На фоне яркой зелени травы он казался каким-то особенно, сказочно роскошным. Где-то в глубине сознания сами собой по-

плыли образы синего моря, купеческих караванов и расписных ладей. Вместе с хрустальным ларцом, яхонтовыми серьгами и аленьким цветочком седобородый купец везет ковер в подарок своим ненаглядным дочкам. Завидев отца, счастливые девушки выскочили на крыльцо...

– ...Ты знаешь, где, – продолжала Людмила возбужденно, – знаешь, где я откопала его? В «Омеге» на Юго-Западе! Там теперь целый здоровый отдел этих ковров!..

...Гости все прибывали и прибывали. Родственники, друзья детства, коллеги и просто хорошие знакомые. Светка приехала одной из последних. К этому времени мы уже покинули свой пост на ступеньках террасы и бродили по лужайке с бокалами шампанского, переходя от одной группки гостей к другой. Мы едва успевали допить очередной бокал, как снова слышались новые тосты: за нас, за счастье, за любовь, за процветание нашего дома.

– Значит, за процветание пьешь? – спросила Светка почти насмешливо. Невысокая, в узеньких джинсах и скромной льняной кофточке, она резко выделялась в разнаряженной толпе гостей. – Что ж, присоединяюсь!

Почувствовав на себе вопросительные взгляды, Светка продолжала, нимало не смутившись:

– Я тоже хочу выпить за тебя. За твое самое главное качество... – Она внезапно смолкла.

– Да за какое же?! Скажи, наконец! – не выдержав, почти выкрикнула я.

– За беспечность! – Светка высоко подняла бокал, ловко поданный ей официантом. – «Она идет по жизни смеясь...» – это о тебе, Алка. Чтобы и дальше так же идти – легко! И чтобы все получалось!

Все выпили, испытав одновременно облегчение и неловкость.

– А теперь я ее у вас украду ненадолго, – серьезно сказала Светка. – Нашу невесту очаровательную! У меня к ней деловой разговор.

– На сегодня отменяются все дела! – громко возмутился Олег, какой-то дальний родственник Стива, которого я видела впервые в жизни. – Мы собрались здесь, чтобы отдохнуть!

– Не пустим! – зашумели гости.

Я почувствовала, что все уже слегка захмелели, поэтому вызывающий Светкин тон остался для большинства незамеченным.

– Мы ненадолго! – Я приветливо улыбнулась и, подхватив Светку под руку, повела ее в терем.

Глава 4

– А я смотрю, ты очень довольна жизнью! – насмешливо бросила мне Светка. – Давай сядем тут. У меня мало времени.

Мы устроились за столиком в дальнем тенистом углу веранды. Отсюда открывался красивый вид на водохранилище, а буйные заросли акации, подступавшие к самой террасе, надежно защищали нас от гостей.

– А ты, я смотрю, возмущена! – парировала я в тон ей.

Рядом с нами застыл официант с бокалами вина на подносе.

– Как же! Будешь тут возмущаться! – Светка досадливо отмахнулась от официанта. – Я день и ночь просиживаю над этим хреновым бизнес-планом. И отнюдь не в уютном кабинете! Кругом работяги, водилы и всем дай, дай, дай! Я голову ломаю, как добиться выгодного кредита, а вы тут... жируете! Просто офигеть, по-русски говоря!

– Во-первых, успокойся! Если мы и жируем, как ты выражаешься, то делаем это на деньги Стива. Стив, если помнишь, с самого начала участвовать в разработке источников отказался, поэтому у него в загошничке еще кое-что осталось. А я сделала все, что обещала. Вложила все деньги, полученные от Стейна, и вообще...

– Для того чтобы бизнес удался, – тихо, но очень четко

объясняла Светка, – нужно не сделать – а делать! Что-то делать каждую минуту. Вкалывать, пахать!

– Но мы же договорились! – возмутилась я. – И ты согласилась, что все организационные вопросы возьмешь на себя...

Год назад, когда все только начиналось, водяной бизнес виделся нам исключительно в розовом свете. Знакомые мне завидовали. Разбогатеешь теперь в два счета! Ну а как иначе, если у тебя на дачном участке золотая жила бьет?!

От разработки золотой жилы меня совершенно неожиданно отвлекла семейная жизнь. Отвлекла и увлекла так, что я и думать забыла о минеральных источниках. Но тут в Москву возвратилась Светка.

...Светку я знаю с первого курса института. С восемнадцати лет. И могу подтвердить: вся ее жизнь – это неуклонное, поступательное движение вперед. Ну, может быть, за исключением последнего года. В восемнадцать лет Светка мечтала стать переводчицей. В двадцать семь решила, что переводы – это несерьезно, и переквалифицировалась в бизнесвумен. Закончила финансовую академию и, благодаря своим выдающимся деловым качествам, оказалась в кресле управляющего банком. Правда, банком не московским – киевским. Но по нашим временам это все равно. Киев – прекрасный европейский город, я убедилась в этом, побывав в Киеве в прошлом году.

Светка использовала меня как ширму. Врала мужу, что

отдыхает на даче вместе со мной. А на самом деле на этой даче нас было трое: Светка, я и Кирилл.

Кирилл – это, можно сказать, Светкин любовник или бойфренд. Но правильнее, я думаю, назвать Кирилла единственной Светкиной любовью. Только вот бывшей или настоящей?.. Почему-то я не могу спросить об этом прямо, хотя лично мне кажется: их с Кириллом история еще не закончена. Светка ждет продолжения каждую минуту.

А пока... она будто бы не живет, а существует в режиме паузы. Этот режим включился в тот момент, когда Кирилл, невзирая на их сумасшедшую страсть, решил вернуться в семью – к своей законной, венчанной жене Наталье.

Беда, как известно, не приходит одна, поэтому неудивительно, что вскоре случилось еще одно неприятное событие. В Светкином доме разразился грандиозный скандал. Моя подруга почувствовала: лучше уехать. Так она снова оказалась в Москве.

Вообще-то в этой истории полно неясностей. Однажды Светка намекнула мне, что ее муж знал об их с Кириллом связи. И даже нарочно подстраивал их тайные свидания на даче под Киевом, чтобы потом обвинить Светку в неверности, шантажировать и в конце концов выгнать с позором. Но я немного знаю Кирилла и даже на минуту представить не могу, что он действовал в сговоре с Ромкой.

Хотя кто может поручиться наверняка? На мой взгляд, Кирилл очень любил Светку. Но ведь с Ромкой, Светкиным

мужем, они, оказывается, были почти друзьями. А возможно, гадала я, Кирилл поначалу действовал с подачи друга, но потом и вправду полюбил Свету?.. Тогда почему он молчал, зная про коварные Ромкины замыслы? Загадка!..

Тем более загадочным было решительное и поспешное возвращение Кирилла в семью за день до начала Светкиных разборок с мужем.

И все-таки я склоняюсь к мысли, что у Светки с Кириллом что-то произошло, и Роман здесь ни при чем. Я не знаю, почему они расстались. Мне неизвестно, что говорил Кирилл Светке перед уходом... Но я совсем не удивлюсь, узнав, что Светка ждет его каждый день. Вот отворяется калитка, и на нашем холщевском участке появляется Кирилл. Он приближается к замлевшей от радости Светке и произносит: я приехал к тебе, чтобы начать новую жизнь.

– А как же... – от счастья теряется Светка. – Ты ведь говорил...

– Я без тебя не могу, – тихо признается Кирилл, жадно разглядывая ее лицо.

Я не очень удивлюсь, если все так и случится. А пока... Пока он не явился – Светка всеми силами пытается забыть в рабочем пылу. Я где-то читала: человеку, чтобы выжить, необходимы жизненные стимулы. И неожиданно таким стимулом стали для Светки мои источники. Она с азартом взялась за дело. Регистрировала предприятие, нанимала рабочих, договаривалась о транспортировке и бутилировании во-

ды, искала каналы сбыта. Все так.

И все же в один прекрасный день мне начало казаться, что наш со Светкой бизнес походит на лирическую советскую песенку «Подмосковные вечера». Наше дело двигалось и не двигалось. То есть машины ездили, рабочие работали, бутылки поступали в продажу, но банковский счет предприятия неизменно оставался пустым. Деньги не желали оседать на счету – расходились на аренду машин, налоги, зарплату рабочих и прочие досадные мелочи.

Но Светка знала, где искать выход. Нужно было расширять производство и одновременно начинать серьезную пиар-кампанию, чтобы каждый гражданин нашей могучей Родины узнал, какими исключительными свойствами обладает холщевская минвода.

Одно плохо: развитие бизнеса требовало сумасшедших денег, которые в банках давали под такие же сумасшедшие проценты.

– Мы пойдем другим путем! – заявила Светка и принялась строчить бизнес-планы.

Кредит она рассчитывала получить в каком-нибудь фонде поддержки малого предпринимательства. Там даже беспроцентные кредиты бывают! Стив, помню, ухмылялся: так это ж для своих! Светка вдруг разозлилась. Ситуация в духе умильного советского шлагера капитально действовала ей на нервы.

И вот сегодня настал желанный день. Бизнес-план нако-

нец-то закончен! С понедельника можно обходить банки и фонды, а заручившись их поддержкой, браться за дело по-настоящему.

– ...Рискну поспорить с тобой. Мы не совсем офигели, просто у нас сегодня праздник – годовщина свадьбы.

– Да, это я помню. – Светка примирительно улыбнулась. – Я и подарок вам приготовила. Пусть он защищает вас... от зла.

– Что это?

– Икона блаженной Матроны, с частицей ее мощей, писанная самим Кириллом...

– Светка! – дрогнула я. – Ну зачем же – писанную Кириллом? Тебе это память о нем... Ну зачем?!

– Люблю делать дорогие подарки! – Жмурясь от солнечных бликов на воде, Светка напряженно всматривалась в далекий берег. – Черт, жутко напоминает Днепр! Уже казалось – все! Забыла... А вот подняла сейчас голову – вода, солнце, дали – словно сон увидела...

Около нас вдруг звонко хрустнул сучок. Мы разом обернулись. В кустах акации стоял Востриков.

– Что вы тут делаете, Андрей Витальевич? – возмутилась я.

– Подслушивает, – констатировала Светка. – Чужие разговоры. Что же еще?..

Востриков захохотал.

– А вот и нет! Просто отошел в тенек. Я не выношу солн-

ца. Но отпираться не стану. Слышал весь ваш разговор. От начала до донца.

– Фу, как это неприлично!

– Я сам себя виню ужасно. – Он продрался к нам сквозь заросли. – Но раз уж так получилось – хочу дать вам один дельный совет.

– Какой еще совет? – скривилась Светка.

– Вам, девушки, нужно перво-наперво отделаться от конкурентов. – Востриков смахнул с рукава веточку и облокотился о перила террасы.

– Да каких там конкурентов? Никаких конкурентов у нас нет.

– Вот те раз!.. А боржоми?! Чтобы вашу воду пили, вам нужно непременно завалить боржоми. Хотите, я вам помогу?

– Вы, случайно, здесь не тамада?

– Увы. Но ради вас, Светлана, готов попробовать.

– Вы пьяны, очевидно?

– Я пью только минералку, боржоми кстати. Но ради вас согласен отказаться от нее.

– Завалить любимую воду? – уточнила я.

– Что вы городите! – возмутилась Светка.

– А очень просто, – приятно улыбнулся Востриков. – Уже осенью боржоми объявят вне закона. Не верите?

– Нет, – отрезала Светка. – Не верим.

– И как же вы это сотворите? – поинтересовалась я.

– Есть сто способов. И все хорошие. Например, квалифицированно распустить слушок, что боржоми – стопроцентная подделка. К тому же в ней обнаружены радиоактивные соли. Уже зафиксировано семьдесят восемь случаев тяжело-го отравления с непредсказуемыми последствиями. А одна бабушка после стакана чудодейственной воды стала лысой как колено, ушла из дома и не вернулась. К осени слух расползется и станет достоянием широкой общественности. В теленовостях мелькнет ролик: скорбные фасады горбольниц под неутешный плач и слово «боржоми». Этого – я уверен – будет достаточно.

– Бред какой-то... – Светка брезгливо отвернулась.

– Не верите? Готов поспорить.

– Да на что мы с вами будем спорить?

– На ваш, Светлана, поцелуй.

– Что?! – Светка изумленно выставилась на Вострикова.

– Я серьезно. – Он грузно перелез барьер и присел к нам за столик.

– Вы собираетесь провести такую титаническую работу просто за поцелуй? – усмехнулась я.

– Не за простой. А за поцелуй очаровательной Светланы.

– Не пойму я никак... – вздохнула Светка. – Боржоми, горбольницы, поцелуй... Что вам от нас нужно?

– Сказать честно? – Востриков сделал таинственное лицо.

– Ну, говорите...

– Я ведь и в кустах оказался не случайно. Света, я дол-

жен вам признаться: я очарован. Как только вы появились на этом чудесном празднике, я понял – вот та женщина, о которой я несмело мечтал всю свою сознательную жизнь. И я пошел за вами. Пришлось лезть в кусты.

– Надо же! – хмыкнула Светка.

– Скажу вам больше. Семьи у меня никогда не было. А мне хочется иметь семью, нормальную, крепкую семью. С такой женщиной, как вы... Я ужасно одинок. Дела, разъезды, хлопоты не давали мне возможности решить эту насущнейшую проблему...

Может быть, Востриков говорил искренне, от души, но во всей его манере и интонациях сквозила неистребимая скороморошность.

– Ясненько, – кивнула Светка. – Но вы мне, мягко говоря, не совсем нравитесь! Так что идите лучше к своей спутнице. Она вас, чай, заждалась.

– Ох, Светочка, разве это спутница? Смех один. Вот если бы вы согласились...

– Да это просто невыносимо! – взорвалась вдруг Светка. – Вначале вы шпионите за нами – подслушиваете. Потом городите всякую ахинею. Не даете нам поговорить. У меня нет времени выслушивать вашу галиматью! Ал, мне срочно нужно ехать. Я еще раз поздравляю тебя...

– Уедемте вместе! – взмолился Востриков.

– Нет, это невозможно уже! – Светка яростно закатила глаза. – Вы когда-нибудь оставите нас в покое?! Оставьте или

нет?!

– Значит, вы мне не верите? – продолжал Востриков. – Не верите в серьезность моих намерений?

– Верю. Но только, пожалуйста, отстаньте от нас. Кроме ваших намерений есть еще мои намерения. Вам это не приходило в голову?

– Хорошо. Не хотел вас смущать... Да видно придется. Не так давно я обратился в одно солидное учреждение.

– Нам нет никакого дела, – взвилась Светка, – куда вы там обращались! Ал, пересядем отсюда!..

Она вскочила, но Востриков удержал ее руку:

– Только одну секундочку. Вот, взгляните на это...

Он вытащил пухлый бумажник и извлек из него фотографию 10 × 15.

Мы оцепенели. На снимке была запечатлена абсолютно голая Светка. Она стояла на фоне синей драпировки по стойке «смирно» и со счастливой улыбкой смотрела вдаль.

– Откуда у вас моя фотография?! – Подруга ошеломленно плюхнулась на стул. – А?!!

Востриков довольно улыбнулся.

– Да еще в таком виде! – пробормотала я. – Где это ты, Свет?..

– Я не знаю... – Светка изумленно рассматривала себя на фотографии. – Ужас какой... Откуда у вас эта фотка? Ответьте.

– Мне выдали ее в том самом учреждении, про которое

вы отказались слушать.

– И что это за учреждение? – Подруга ожесточенно скомкала фотографию.

– Напрасно. Вы там удачно получились, – вздохнул Востриков. – Но у меня есть другие. Но там вы хуже...

– Дайте их сюда!

– Они в компьютере.

– О господи, – простонала Светка. – Я, кажется, никогда не фотографировалась в таком виде... Где вы их набрали? Кто вы такой вообще?

– Это Востриков, – подсказала я. – Он на руку нечист.

– Ну почему сразу, Алла Викторовна, – на руку нечист? Ладно. Раскрою вам мои карты. Только слушайте внимательно. Я вам уже говорил: мне хочется создать хорошую семью. Но подходящая женщина не встретилась на моем жизненном пути. С кем же создавать, спрашивается, крепкую семью? И тогда я обратился в солидное учреждение, то есть в брачное агентство...

– Вы хотите сказать, – вскричала Светка, зыркнув на меня, – что в этом агентстве вам выдали мои фотографии?! Ал, он нагло врет! Бред сивой кобылы! Я ни в какие агентства никогда не обращалась. Ты веришь?..

– Минуточку. Вы меня не поняли, Света. Не вы, а я обратился в брачное агентство.

– Но откуда же у них мои фотографии?!

– Вы слушайте дальше. Мне хочется иметь крепкую,

дружную семью. Чтобы каждый день я возвращался с работы домой, а в прихожей меня встречали жена и счастливые детки: папа! Наш папочка пришел! А на кухне меня бы ждал ужин.

– Это мы уже слышали, – перебила я. – Ближе к делу. Кто вам дал Светланины фотографии. В брачном агентстве?

– Да. В нем.

– Идиотизм полнейший, – пояснила Светка. – Откуда там мои фотографии, если я никогда...

– Вы выслушайте меня. – Востриков прижал руку к сердцу. – Так вот, обратился я в брачное агентство. Со мной долго беседовала психолог. Дотошная, надо сказать, тетка! Чего я жду от брака? Какой должна быть будущая теща, дети, обед? О жене я и не говорю. Выспросила до тонкостей... Про себя я рассказал все, что можно и не можно. Психолог внимательно осмотрела мое тело. Каждый дюйм под микроскопом. Стыдно сказать, как она изучала мои...

– Короче! – Светка ожесточенно комкала свое изображение. – Сейчас речь не о вас.

– ...В конце нашей обстоятельнейшей беседы, – продолжал Востриков, – психолог загнала все мои параметры в компьютер. И компьютер выдал фоторобот моей будущей жены, с которой у нас мог бы получиться идеальный союз! Другьям на удивление и зависть!

– Подождите... – опешили мы со Светкой. – Так это фоторобот?!

– Ну да. А вы разве не поняли?

Светка принялась недоверчиво развертывать тугой комок.

– Ага... Теперь вижу, – хмыкнула она. – Но как, блин, похожа! Смотри, Ал, это не я! Нос совсем другой... Правда ведь?

– Вот и я говорю. Ужасно похожа, – подхватил Востриков.

– Ничего общего, – отрезала я.

– Вы когда-нибудь оставите нас в покое?! А?! – гаркнула Светка на весь ресторанный комплекс. Мельтешащие по террасе официанты разом окаменели.

– Ухожу, ухожу... – Востриков тяжело поднялся и поплелся восвояси. – Но с боржомом сделаю, раз обещал.

– Трепло! – Подруга скривилась ему вслед.

Как ни странно, Востриков оказался не трепло. Осенью минеральная вода боржомом начисто пропала с российских прилавков. В средствах массовой информации было сделано официальное заявление, что вода перестала отвечать санитарно-гигиеническим нормам, потому что импорт боржомом в Россию прекращается.

Глава 5

Икону, Светкин подарок, я повесила в нашей спальне над изголовьем. Пусть она хранит нас от зла. От болезней. И от предательства. От серьезных несчастий и даже от примитивного невезения. Как оно иной раз может испортить жизнь!

Подумать только – куда мы ни обращались с нашим бизнес-планом, и везде, везде нам обещали подумать, просили подождать, а в двух местах сразу сказали: нет! Ну что же это, если не подлое невезение?!

На хождение по фондам и банкам мы угрохали весь сентябрь. Танюшка тем временем пошла в школу, нахватала троек и даже двоек. Кончилось тем, что меня вызвали к классному руководителю и посоветовали лучше смотреть за ребенком. Пришлось судьбоносное дело хождения по инстанциям доверить целиком и полностью Светке, а самой засесть дома: учить уроки и варить щи.

Так незаметно наступил октябрь. Его первое воскресенье, с которого все и началось, выдалось на редкость замечательным. Погода с самого утра стояла ясная, сухая и теплая. Печальное солнце смотрело сквозь осеннюю дымку на желто-багряную листву городского парка, как смотрит старый друг перед долгой-долгой разлукой. В воздухе неуловимо пахло грустным костром из опавших листьев. В общем, стояли последние погожие дни перед темным и промозглым

осенним ненастьем. В такое время хотелось совершить что-то значительное, словно наверстать упущенное летом.

У Стива как раз был выходной, и мы втроем – я, Стив и Танечка, завтракая в столовой, наперебой обсуждали программу сегодняшнего дня, которая непременно должна стать интересной, как это чудное осеннее утро, и точно отвечать нашему радостному настрою.

Сразу после чая мы отправились в путь. Наша программа была разнообразной и долгой. Ну, во-первых, посещение ТЮЗа, где в то утро давали роскошную пьесу «Мальчик-звезда» по известной сказке Оскара Уайльда. Изумительные декорации, игра актеров и все оформление, созданное еще великим Мейерхольдом.

Танечка смотрела на действие во все глаза. Представление и в самом деле завораживало. Меня особенно тронули силуэты улетающих птиц. Много-много, целая колония чаек поднялась над морем с прощальным клетотом. В этом было что-то ностальгическое, роднящее всю пьесу с витающим над городом осенним духом.

Потом мы гуляли по Тверскому бульвару среди пестрой и праздной публики. Ели мороженое, купили воздушные шары и катались в карете, запряженной двумя белыми лошадками.

Вдруг Таня увидела «Макдоналдс» и во что бы то ни стало захотела пойти туда. Мне было невероятно смешно смотреть на Стива, жующего с нами за компанию большущий

бигмак. Я вспомнила бунинского кота, который с голодухи ел огурцы на огороде – ужасно морщился, но все-таки ел. После «Макдоналдса» мы снова бродили по Бульварному кольцу и в конце прогулки неожиданно очутились в Пушкинском музее.

Тут у нас случилось ЧП: неожиданно куда-то пропала Таня. Мы со всех ног бросились искать ее по залам. Я терялась в догадках. Самые разнообразные и ужасные мысли успели посетить мой взбудораженный мозг... И вдруг в зале импрессионистов мы обнаружили нашу девочку... Таня с самым независимым и серьезным видом, по-стариковски заложив руки за спину, неторопливо прохаживалась вдоль бесмертных полотен. Я кинулась к ней, хотела тут же отругать, даже прилюдно отшлепать, но Стив удержал меня:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.